

Интерпретации кризисных явлений в трудовой жизни современного человека

Юнона А. Сергеева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, junona1987@mail.ru*

Аннотация. В данной статье в рамках междисциплинарного подхода предлагается осмыслить процесс деактуализации классического понятия трудовой этики, вызванный различными кризисными явлениями в жизни современного работающего человека, наметившимися с началом процессов постиндустриализации и продолжающимися усиливаться сегодня. Ее традиционное содержание утратило свою былую привлекательность, а базовые принципы все хуже справляются со своей главной функцией по обоснованию метода действия для работающего человека. В качестве варианта интерпретации таких кризисных явлений, как психологический дискомфорт, испытываемый некоторыми современными работниками, предлагается рассмотреть сформировавшийся запрос в развитых обществах в отношении содержания работы и ожидаемых результатов. Рабочая гипотеза автора состоит в том, что объективного критерия «толковой»/«бестолковой» работы, «человеческого»/«нечеловеческого» труда не существует, и только индивидуальная удовлетворенность/неудовлетворенность определяют ее субъективный статус.

Ключевые слова: кризисные явления, трудовая этика, работа, прекаризация трудовых отношений, экзистенциальный кризис, субъективность

Для цитирования: Сергеева Ю.А. Интерпретации кризисных явлений в трудовой жизни современного человека // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 34–46.
DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-34-46

Interpretation of the crisis phenomena in the work life of the today human

Yunona A. Sergeeva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, junona1987@mail.ru

Abstract. In the article, interdisciplinary approach is introduced to interpret the process of de-actualization of the classical notion of the work ethic, caused by various crisis phenomena in the life of the today working human that emerged with the beginning of post-industrialization processes and continue to intensify today.

Traditional idea of work ethic lost its former attractiveness, and its basic principles are no longer able to perform their basic function of justifying the mode of action for the working individual. To understand such crisis phenomena as psychological discomfort, experienced by some workers, it is proposed to analyze a social request formed in the developed countries in regard of the work content and expected work results. The author's working hypothesis is that there is no objective criteria of the "smart"/"stupid" work, "human"/"non-human" labour, and its subjective status can be determined only by personal satisfaction/dissatisfaction of an individual.

Keywords: crisis phenomena, work ethic, work, the labour relations precarization, existential crisis, subjectivity

For citation: Sergeeva, Yu.A. (2020), "Interpretation of the crisis phenomena in the work life of the today human", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 34-46, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-34-46

Введение

В жизни современного работающего человека возникает множество кризисных явлений, вызванных различными метаморфозами труда, наметившимися с началом процессов постиндустриализации и усиливающимися сегодня. На фоне продолжающихся трансформаций старых форм труда и трудовых отношений (удаленная работа, автоматизация, компьютеризация и др.) и возникновения новых (гиг-экономика, фриланс и др.) классическая трудовая этика теряет свой смысл и былую значимость. Одним из наиболее масштабных, сложных и быстро прогрессирующих кризисных процессов является прекаризация трудовых отношений и рост численности класса прекариата¹. В свете современных неординарных мировых событий, а именно пандемии коронавируса COVID-19, ставшей триггером мирового экономического кризиса, особенно актуально звучат предостережения Г. Стэндинга в отношении роста численности прекарного класса [Стэндинг 2014].

Наблюдаемые процессы прекаризации, форсируемые кризисом (массовые сокращения и увольнения, сокращение размера заработной платы под различными предлогами, рост безработицы, отсутствие у значительных групп населения какого-либо источника дохода и сбережений и т. п.), вызывают тревогу в отношении роста преступности, безработицы, социального неравенства и радикальных настроений в обществе.

¹ Общее представление о данных процессах можно получить из предыдущей статьи автора [Сергеева 2019].

«Конец трудовой этики»

Известный французский философ-постмодернист Ж. Лиотар говорит о возникновении метанарративов («Великих рассказов») вместе с началом эпохи индустриализации (например, вера в исторический прогресс, познаваемость мира наукой, возможность абсолютной свободы и др. подобные грандиозные идеи), достигших своего апогея в XX в. и переживающих упадок в скептически настроенном к подобным метадискурсам постиндустриальном обществе, разочаровавшемся после всех трагических событий XX в. в универсальных мировоззренческих системах [Лиотар 1998]. Одной из таких доктрин, претендующих на универсальность, являлась трудовая этика, призванная ответить на возникшие перед человеком эпохи модерна вопросы, наполнить смыслом его труд (работу), замотивировать его прекрасной и светлой целью. М. Вебер в своей классической работе определил суть протестантской трудовой этики, характерной для западных обществ и заключающуюся в добродетельности труда, в корреляции усердной работы с достойным уровнем дохода, служащим признаком добросовестно выполняемого долга перед Богом [Вебер 1990]. Можно также проследить аналогии социалистической и пуританской трудовой этики: советская идеология имела трудоцентристский характер, полагая целью труда не личное обогащение и накопление богатства, а процветание общества (об этом см.: [Бергер 1994; Магун 1998; Попов, Шевчук 2003]).

В постиндустриальном мире, частью которого в той или иной степени стали сегодня все развитые общества, с трансформацией технологий и характера труда исчезает и провозглашенное Вебером «самовоспроизводство» протестантской трудовой этики, а в странах постсоветского пространства теряет свой смысл социалистическая идеология и пропаганда самоотверженного труда на благо общества. Многих современных ученых объединяет разочарование в классической трудовой этике и дискурсе капитализма, например, профессор Ратгерского университета (Rutgers) Дж. Ливингстон так описывает происходящее:

...мы веками начиная, скажем, с 1650 года верили, что работа формирует характер: пунктуальность, инициативность, честность, самодисциплину и т. д. ...Мы также полагали, что рынок труда относительно эффективен и справедлив в отношении распределения возможностей и доходов. Но в условиях курса на бесконечный экономический рост человек «заслуживает» столько, сколько «может» дать рынок... Более того, работы вокруг нас не хватает сегодня на всех, а большинство той,

что есть, настолько малооплачиваема, что не обеспечивает даже минимальный достойный уровень жизни. Исключение составляют дельцы преступного мира и банкиры с Уолл Стрит, не сильно отличающиеся от первых. Повсеместно наблюдается иррациональное распределение благ в обществе [Livingston 2016, р. 1–12].

Статистические данные создают видимость успешной борьбы с безработицей в странах по всему миру: так, официальный уровень в большинстве развитых стран держится в районе 5–7%, что близко к полной занятости населения. Но при этом важно учитывать, что в официальную статистику не попадает множество видов новой, «теневой» безработицы (*hidden unemployment*). Например, Ливингстон обращается к ситуации с рабочими местами в США и говорит о том, что минимальный уровень оплаты труда был поднят до 15 долларов в час. Соглашаясь, что это важный и нужный шаг, Ливингстон считает, что он нисколько не решает проблему, так как даже если умножить этот показатель на 40 часов в неделю, то полученных денег будет хватать лишь на еду. В результате четверть официально трудоустроенных американцев являются работающими бедными. В таких условиях встает вопрос, в чем вообще смысл работать и получать доход, который не способен обеспечить прожиточный минимум: «создание поганых (крайне малооплачиваемых) работ не может решить социальных проблем, с которыми сегодня сталкивается человечество» [Livingston 2016, р. 2–3]. То же самое можно сказать и о нашей стране, где, только по официальной статистике, почти 20% населения находится за чертой бедности³, а заработную плату на уровне ниже среднего получают более 70% россиян⁴.

Помимо проблемы обеспечения нормального уровня заработка в связи с малооплачиваемыми работами все чаще возникает вопрос об адекватности и объективности оценки (оплаты) разных типов

² Усредненное значение по 37 странам, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития (OECD): *Unemployment rate* [Электронный ресурс]. URL: <https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm> (дата обращения 30 марта 2020).

³ Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31549> (дата обращения 30 марта 2020).

⁴ Зарплатное неравенство: сколько и где официально зарабатывают россияне [Электронный ресурс] // Росбизнесконсалтинг. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/07/2019/5d317d739a7947d7fa1672a3> (дата обращения 30 марта 2020).

труда как таковой. Критерии оценки значимости того или иного вида труда, профессии, создаваемой ценности для общества, по которым представители одних профессий получают за свой добросовестный труд доход ниже прожиточного минимума, а другие получают за менее «осозаемый» труд в десятки, сотни и даже тысячи раз больше, вызывают много вопросов и критики в обществе⁵. Например, недавно в связи с актуальными событиями широкий общественный резонанс вызвала новость о крайне низком уровне зарплат ученых-вирусологов в научном центре «Вектор» в Новосибирске с последующим сопоставлением их зарплат с доходами рекламных агентов, блогеров, руководителей государственных компаний, спортсменов и т. д.

На фоне эволюции традиционных форм работы и трудовых отношений возникают новые области рынка труда, одной из которых является гиг-экономика. С начала XXI в. благодаря развитию телекоммуникационных технологий высокими темпами осуществляется цифровизация экономики и промышленности. В результате широкое распространение получили сервисные компании (Uber, AirBnB, YouDo, Avito и др.), основанные на цифровых технологиях и использующие принцип «по требованию» (on-demand), а рынок труда пополнился новыми рабочими местами и формами занятости. На первый взгляд, преимущества гиг-экономики очевидны для всех: у работников появляется возможность дополнительного заработка, гибкий график и свободное время, а работодатель экономит на социальных выплатах, не оформляя работников в штат, а также на аренде офиса. Но, с другой стороны, высокая волатильность цен на услуги гиг-работников, разовая природа контрактов, подразумевающая сдельную оплату труда, порождает высокие риски неполной загрузки и, как следствие, нестабильный заработок. В результате уровень дохода зависит от количества запросов на работы, а не от потребностей и готовности работников к труду. Также может возникать и противоположная ситуация высокой интенсивности труда, когда для получения требуемого уровня дохода необходимо выполнение слишком большого количества заявок (например, работа водителей такси). Налицо все те же процессы прекаризации трудовых отношений, усиливающие нестабильность и уязвимость работников.

⁵ Например: Фейковый труд: почему спортсмены и артисты зарабатывают больше инженеров? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/money/business/feykovyy_trud_pochemu_sportsmeny_i_artisty_zarabatyvayut_bolshe_inzhenerov (дата обращения 30 марта 2020).

Общественный запрос в отношении работы

Вся деятельность человека представляет собой процесс удовлетворения тех или иных потребностей и нужд, среди которых традиционно выделяют первичные (физиологические) и вторичные (социально-психологические). Большинство из наиболее очевидных кризисных явлений в жизни современного работающего человека (прекаризация трудовых отношений, безработица, частичная/неполная занятость) обусловлены невозможностью удовлетворить минимальные потребности индивида в достойном уровне дохода, являющимся гарантом поддержания жизни и здоровья индивида, а также обеспечения его самыми необходимыми вещами (жилище, одежда, элементарные предметы быта). Но и в условиях полной занятости, доля которой по-прежнему является основной и составляет в среднем 70%⁶, даже в случае стабильного высокого заработка за свой труд, в жизни человека возникают кризисные явления другого порядка.

Так, например, российский публицист Д.В. Соколов-Митрич различает «человеческий труд», к которому он относит виды работ, создающие непосредственную полезность для общества (доярки, учителя, водители, уборщицы и др.), от «нечеловеческого труда», которым заняты, например, рекламщики, брокеры, маркетологи:

...нет в нашей психике такой струны, которая бы гармонично отзывалась на все эти пустопорожние усилия. Да, эту дисгармонию можно частично подавить большими деньгами, но до конца все равно не получится. Любой, кто занимается нечеловеческим трудом, в глубине души неисправимо несчастен. И, наоборот, единственное, что может сделать несчастным работника человеческого труда, – это слишком маленькая зарплата⁷.

Для многих работников даже отказ от высокого уровня дохода не становится непреодолимым препятствием для кардинального изменения рода деятельности. Так, другой исследователь, американский антрополог Д. Грэбер, описывая феномен «бестолковых работ» [Graeber 2018]⁸, имеющий явное сходство с идеей «нечело-

⁶ Усредненное значение по 37 странам, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР): Employment rate [Электронный ресурс]. URL: <https://data.oecd.org/emp/employment-rate.htm> (дата обращения 30 марта 2020).

⁷ Нечеловеческий труд [Электронный ресурс] // Православный интернет-портал «Православие и мир». URL: <https://www.pravmir.ru/nechelovecheskij-trud/> (дата обращения 30 марта 2020).

⁸ Подробнее о феномене «бестолковых работ» см. в предыдущей статье автора [Сергеева 2019].

веческого труда», приводит множество примеров людей различных респектабельных профессий, успешных в финансовом плане, но испытывающих при этом экзистенциальный дискомфорт от ощущения бессмыслинности ежедневно повторяющейся деятельности и решившихся кардинально изменить свою жизнь, поменяв должность аудитора или топ-менеджера на место машиниста поезда или дворника. Получается, что современный человек ожидает, что его труд (работа) не только удовлетворит его первичные нужды, но и станет средством реализации своих вторичных потребностей. Попробуем разобраться, так ли очевидны подобные ожидания.

У охотников-собирателей (южноафриканские и австралийские бушмены), уклад жизни которых исследовал американский антрополог М. Салинз, а также у индейских племен Парагвая и Бразилии, изученных французскими антропологами П. Кластром и Ж. Лизо (гуаяки, гуарани, чулуни, яномама), труд и досуг строго разграничены (по крайней мере с точки зрения европейских исследователей-антропологов) следующим образом: такие виды деятельности, как война, игра, праздник, изготовление украшений и даже охота, не воспринимаются как работа и относятся к досуговому временипрепровождению. К труду европейские исследователи относили только ту деятельность, которая была непосредственно связана с добывчей и обработкой пищи, например: сбор растительной пищи и охота (у народов с присваивающим типом хозяйства), возделывание земель, посевные работы и сбор урожая (у племен с натуральным типом хозяйства). При относительно недлинном трудовом дне (примерно 4–5 часов в день для охотников-собирателей и сезонные смены рабочих и нерабочих месяцев, а иногда даже лет – у южноафриканских племен) остальное время распределялось между бездельем или другими (досуговыми) видами деятельности⁹.

Немного упрощая и в некоторой степени эксплицируя предлагаемую философом и теоретиком XX в., Х. Арендт, типизацию деятельной жизни человека (*vita activa*), можно сказать, что она разделяет все виды человеческой деятельности на 1) воспроизведение биологической жизни и удовлетворение первичных человеческих потребностей посредством труда (*homo laborans*), 2) создание объектов, артефактов, в том числе произведений искусства (*homo faber*), создающих мир вещей вокруг нас, 3) публичное действие (поступки), то есть когда человек, оказавшись в обществе других равных себе, являет себя им, высказывая свое уникальное мнение (*doxa*) или выносит суждение, тем самым раскрывая собственную

⁹ Подробнее об укладе жизни индейских племен см. другую статью автора [Сергеева 2020].

личность и идентичность [Арендт 2017, с. 34–99]. Первые два вида деятельной жизни Арендт относит к частной сфере жизни человека, последний – к публичной. Опуская дальнейшие рассуждения и выводы, сделанные философом в рамках ее политической теории, мне видится полезным вышеприведенный подход в отношении различия деятельных состояний для понимания произошедшей трансформации содержания труда (работы) современного человека.

Труд многих «примитивных» народов, а также представителей некоторых современных профессий включает в себя первый тип деятельности. Любая другая деятельность из понятия труда (работы) исключается. Но не так просто обстоит дело с работой современного человека в развитых странах, экономика которых базируется на наемном труде и его разделении, на товарном производстве и товарно-денежных отношениях. Все чаще профессиональный труд только опосредованно связан с добычей пропитания и поддержания биологической жизни, а непосредственно состоит из таких, в некотором смысле, досуговых видов деятельности, как игра, творчество, обучение и саморазвитие, чтение, обработка и обмен информацией, бизнес-путешествия и знакомство с новыми людьми, организация праздников и др. Например, в работе художника на первый план выходит второй вид деятельности, т. е. производство артефактов, художественных произведений. Но для того чтобы выжить, художнику недостаточно просто писать картины и складывать их на чердаке, он вынужден находить тех, кто готов обменять его картины на деньги, за которые он сможет обеспечить себя всем необходимым, и поэтому его трудовая деятельность косвенно включает также и удовлетворение своих первичных нужд. Кроме того, выставляя свои картины публично, обсуждая и комментируя их в прессе или в узких кругах ценителей, создавая свой неповторимый имидж и бренд, художник в качестве «побочного» продукта своей профессиональной деятельности получит признание, социализацию, общение и личностное развитие.

Таким образом, различие между трудом и досугом, кажущееся очевидным в случае с «примитивными народами», размывается в развитых обществах. Пользуясь классификацией Арендт, можно сказать, что все три типа деятельности попеременно, в разных комбинациях присутствуют сегодня в большинстве видов работ, и чем гармоничнее их пропорция, тем комфортнее чувствует себя работник. Запрос современного человека, посвящающего работе большую часть жизни, состоит в том, чтобы помимо обеспечения нормального уровня жизни заниматься разнообразной интересной ему деятельностью, тем, в чем он видит смысл и посредством чего осуществляет самореализацию.

Субъективная природа значимости труда

Рассуждая о свободе как неотъемлемой составляющей человеческой сущности, о ее пределах и возможностях реализации, норвежский философ и писатель, Л. Свендсен, пишет:

...условия, в которых мы реализуем нашу свободу, претерпели очень существенные изменения за последнее время. Еще не так давно свободным временем, материальными ресурсами и возможностью достичь определенного уровня жизни обладал лишь весьма ограниченный круг людей. Жизнь всех остальных проходила под знаком сырой необходимости и борьбы за выживание. В современном мире, где базовые потребности большинства людей полностью удовлетворены, одним из основных занятий становится поиск собственной идентичности. На что мы хотим употребить свою свободу? Кем мы хотим стать? Постоянное и явное стремление к самореализации свидетельствует и о том, что индивид часто терпит неудачу в поиске самого себя [Свендсен 2016, с. 170–171].

В обществе, где практически вся деятельность человека сводится к работе, в зависимости от того, как оценивает свою деятельность индивид, работа либо становится источником самореализации, свободного движения к той версии себя, кем индивид хочет себя видеть, достижения намеченных целей и результатов, либо причиной неудовлетворенности, апатии и других экзистенциальных кризисов. На первый взгляд, естественным и интуитивно понятным кажется наделение определенных видов работ статусом совершенно бесполезных и тщетных. Подтверждение этому мы находим и в классике, например у Достоевского:

...мне пришло раз на мысль, что если бы захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием, так что самый страшный убийца содрогнулся бы от этого наказания и пугался его заранее, то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмыслицы¹⁰.

Понятие «сизифова труда» имеет свои воплощения в жизни любого индивида. У нас у всех есть представление о той работе, посвящающей себя которой изо дня в день было бы мукой и полной про-

¹⁰ Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. М.: Юрайт, 2020. С. 21.

тивоположностью тому, что придает смысл человеческой жизни. Однако давайте предположим, что в один прекрасный день Сизифа начнет безмерно радовать возложенная на него задача по подъему скатывающегося с горы камня, и он увидит в ней глубокий смысл. У нас не имеется объективного критерия, с помощью которого можно было бы измерить уровень осмыслинности Сизифа, поднимающего камень, и сравнить его с игроком в шахматы, посвятившего этой игре всю свою жизнь, или с аспирантом, который все свое свободное от работы и бытовых забот время посвящает написанию кандидатской диссертации. При этом очевидно, что одни и те же виды деятельности могут одновременно вдохновлять и наполнять смыслом жизнь одних людей и утомлять, вселяя ощущение тщетности и бессмыслицы – в других. Можно предположить, что не наличие объективных свойств и качеств работы делают ее исполненной смысла, но сам индивид вкладывает или лишает свою деятельность смысла.

В связи с субъективностью значимости труда делается предположение, что авторы таких идей, как «бестолковая работа» или «нечеловеческий труд», а также описываемые ими персонализированные представители той или иной профессии, будучи сами неудовлетворенными родом своей деятельности, в процессе осмыслинения и рефлексии пришли к объективации своего состояния, полагая причиной своих страданий определенные виды профессий и работ. Поэтому нужно иметь в виду субъективный характер понятий «сизифова труда», «бестолковых работ» и «нечеловеческого труда», так как говорить об объективности в той или иной степени можно в случае, если абсолютное большинство представителей обозначенных профессий сошлись бы во мнении об их никчемности. При этом то, что другие представители тех же профессий могут не испытывать сложностей с самореализацией и осмыслинностью, не вызывает сомнений. Второстепенное значение имеет то, каким трудом занят индивид в глазах другого индивида или общества: «бестолковым», «нечеловеческим», низкооплачиваемым или по каким-либо еще причинам непривлекательным – если при этом сам индивид не испытывает страданий, если он сам находит смысл в своей работе, то его жизнь будет вполне осмыслинной. При этом неважно, как его оценивают другие люди, ангажированные своими ценностными предпочтениями. Источник проблематики может заключаться не в отдельных профессиях или конкретных видах работы, а в субъективном восприятии человека. Если человек осознанно считает свой труд тщетным и бесполезным, ему действительно нужно менять свою жизнь.

* * *

Классическая трудовая этика предстает не только в роли догматизированного мировоззрения, но и напрямую зависящего от него метода, то есть способа действия и существования индивида в человеческом мире для того, чтобы обеспечивать себя всем необходимым с экономической точки зрения, а также чтобы заполнить свой «экзистенциальный вакуум»¹¹, то есть наделять свою деятельность смыслом, занимать свое место в жизни посредством трудовой деятельности, реализовывать амбиции и достигать поставленных целей. Всматриваясь в историю эволюции роли труда в обществе, можно заметить сходство в радикальной изменчивости и непостоянстве в отношении человека и общества к труду (например, от восприятия труда в эпоху Средневековья в качестве наказания и проклятия человека, совершившего «грехопадение», к утверждению его в качестве главного основания человеческого достоинства и помощника в деле «спасения души» и т. д.) с концепцией «смены парадигм» Т. Куна. Трудовая этика, свойственная индустриальной эпохе, сталкивается в условиях постиндустриальных вызовов со все большими затруднениями («аномалиями»), которые выглядят как кризисные явления, так как традиционная методичка («нормальная наука») для находящегося на старте своей карьеры работника уже не действует. В попытке преодолеть «кризис» общество предлагает различные решения (безусловный базовый доход, дауншифтинг и др.), которые имеют определенную ценность и могут быть частным решением для отдельных групп, но не способны претендовать на роль универсального средства в борьбе с возникающими кризисными явлениями. Переход от все еще работающей, хоть и со сбоями, модели трудовой этики и взгляда на мир к другой («смена парадигмы»), может казаться иррациональным, как в известных демонстрациях Т. Куна «с переключением зрительного гештальта» [Кун 2009, с. 170–175]. В условиях всех вышеизложенных происходящих с трудом метаморфоз и трансформаций можно предположить «конец трудовой этики» в ее классическом понимании.

¹¹ Понятие, введенное австрийским психиатром и философом В. Франклом: «Сегодня мы, по сути, имеем дело... с фрустрацией экзистенциальных потребностей. Сегодняшний пациент страдает... от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты, поэтому я и говорю об экзистенциальном вакууме» [Франкл 1990, с. 4].

Литература

- Арендт 2017 – *Арендт Х. Vita activa, или О деятельности жизни* / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; 2-е изд., испр. и доп. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.
- Бергер 1994 – *Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе)*. М.: Прогресс-Универс, 1994. 320 с.
- Вебер 1990 – *Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма* // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Кун 2009 – *Кун Т. Структура научных революций* / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: АСТ, 2009. 310 с.
- Лиотар 1998 – *Лиотар Ж. Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Магун 1998 – *Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание* [Электронный ресурс] // Мир России. 1998. № 4. С. 113–144. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Magun-statya-MirRoss-98.pdf> (дата обращения 30 марта 2020).
- Попов, Шевчук 2003 – *Попов Ю.Н., Шевчук А.В. Современная экономика и социология труда: Учеб. пособие*. М.: Экон-Информ, 2003. 230 с.
- Свэндсен 2016 – *Свэндсен Л. Философия свободы* / Пер. с норв. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 264 с.
- Сергеева 2019а – *Сергеева Ю.А. Метаморфозы труда: современные интерпретации* // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 35–45.
- Сергеева 2019b – *Сергеева Ю.А. Труд и досуг в этноцентристских системах* // Философский журнал «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке». Серия «Социальная философия». 2019. Т. 8. № 6А. С. 195–203.
- Стэндинг 2014 – *Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
- Франкл 1990 – *Франкл В. Человек в поисках смысла* М.: Прогресс, 1990. 178 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/6iGr> (дата обращения 30 марта 2020).
- Graeber 2018 – *Graeber D. Bullshit jobs*. New York: Simon & Schuster, 2018. 340 p.
- Livingston 2016 – *Livingston, J. No more work: why full employment is a bad idea*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2016. 111 p.

References

- Arendt, H. (2017), *Vita activa, ili O deyatelnoi zhizni* [Vita activa oder Vom tätigen Leben = Vita activa, or on active life], transl. from German and English by V.V. Bibikhin, Ad Marginem Press, Moscow, Russia.
- Berger, P. (1994), *Kapitalisticheskaya revoljutsiya (50 tezisov o protsvetanii, ravenstve i svobode)* [The capitalist revolution. Fifty theses about the prosperity, equality and liberty], Progress-Univers, Moscow, Russia.
- Frankl, V. (1990), *Man's search for meaning*, Progress, Moscow, Russia, available at: <https://goo.gl/6iGr> (Accessed 30 March 2020).
- Graeber, D. (2018), *Bullshit jobs*, Simon & Schuster, New York, USA.

- Kuhn, T. (2009), *Struktura nauchnyh revolutsii* [The structure of scientific revolutions], transl. from English by I.Z. Naletova, AST, Moscow, Russia.
- Livingston J. (2016), *No more work: why full employment is a bad idea*, The University North Carolina Press, Chaper Hill, USA.
- Lyotard, J. (1998), *Sostoyaniye postoderna* [The postmodern condition], Institute of Experimental Sociology, Aletheia, St. Petersburg, Russia.
- Magun, V.S. (1998), "Russian labor values. Ideology and mass conscience", *Mir Rossii*, no 4. pp. 113-144, available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Magun-statya-MirRoss-98.pdf> (Accessed 30 March 2020).
- Popov, Yu.N and Shevchuk, A.V. (2003), *Modern Economics and Labour Sociology*, Study guide. Econ-Inform, Moscow, Russia.
- Sergeeva, Yu.A. (2019a), "The labor metamorphoses. Modern interpretations", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no 3, pp. 35–45.
- Sergeeva, Yu.A. (2019b), "Labour and leisure in ethnocentric systems", Philosophical Journal "Context and Reflection. Philosophy of the World and Human Being". "Social Philosophy" Series, vol. 8, no. 6A, pp. 195-203.
- Standing, G. (2014), *Precariat: novy opasny klass* [The precariat. The new dangerous class], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.
- Svendsen, L. (2016), *Philosophiya szobody* [A philosophy of freedom], Translation from Norwegian, Progress-Tradition, Moscow, Russia.
- Weber, M. (1990), "The protestant ethics and the spirit of capitalism", *Selected works*, transl. from German, Progress, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Юнона А. Сергеева, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; junona1987@mail.ru

Information about the author

Yunona A. Sergeeva, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; junona1987@mail.ru